

Жизни конецъ подоспѣлъ — такъ какъ былъ онъ гораздо сильнѣе, 105.
 Если-бъ вожди Аргивянъ не сдержали тебя, устремившись,
 Если бъ тебя Агамемнонъ, владыка съ обширною властью,
 Нѣ взялъ за правую руку и слова тебѣ не промолвилъ:

«Что, Менелай, ты безумствуешь, Зевса питомецъ? Безумьемъ
 Ты не поможешь себѣ. Воздержись, хоть печалишься сердцемъ. 110
 Съ мужемъ, сильнѣйшимъ тебя, сгоряча не желай состязаться,
 Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама: его и другіе страшатся.
 Самъ Ахиллесъ — а тебя онъ гораздо отважнѣй душою —
 Съ нимъ трепеталъ повстрѣчаться въ жестокомъ бою мужегубномъ.
 Но повинуйся и сядь, удалившись къ отрядамъ дружины. 115.
 Вышлютъ другого бойца противъ Гектора дѣти Ахейнъ.
 Какъ Пріамидъ ни безстрашенъ и какъ ни желаетъ сражаться,
 Все-же онъ съ радостью, вѣрю, колѣни согнетъ, коль вернется
 Нынѣ изъ гибельной битвы, опасности страшной избѣгнувъ».

Такъ говоря, убѣдилъ Менелая герой Агамемнонъ, 120.
 Ибо совѣтоваль должное. Тотъ покорился. И тотчасъ
 Съ плечъ Менелая dospѣхи служители радостно сняли.
 Несторъ поднялся тогда средь Ахейцевъ и слово промолвилъ:

«Горе! Великая скорбь, зная, постигла Ахейскую землю!
 То то бы старецъ наѣздникъ Пелей застоналъ теперь громко, 125.
 Мудрый совѣтникъ дружинъ Мирмидонскихъ и славный витія,
 Еслибъ слышалъ, что всѣ передъ Гекторомъ нынѣ трепещутъ,
 Всѣ Аргивяне, чей родъ и потомство онъ, радуясь сердцемъ,
 Нѣкогда въ домѣ своемъ узнавалъ отъ меня, вопрошая.
 Руки къ безсмертнымъ богамъ онъ бы вѣрно воздѣлъ, умолая, 130.
 Чтобы изъ тѣла душа отлетѣла въ обитель Анда.

Отче Зевесъ, Аполлонъ и Аѳина! О если-бы сталъ я
 Молодъ, какъ прежде, когда Аркадійцы, метатели копій,
 Встрѣтивъ Пилосцевъ вблизи Келадона, текущего быстро,
 Съ ними сразились у водъ Іардана, подъ башнями Феи. 135.
 Первымъ бойцомъ почитался Эревліонъ богоравный.
 Арейою владыки носилъ онъ вкругъ тѣла dospѣхи,
 Дивнаго Арейою, по прозвищу Палиценосца.

Такъ его звали и мужи, и пышноодѣтыя жены,
 Ибо не длиннымъ копьемъ и не лукомъ въ бою подвизался, 140.
 Но булавою желѣзной фаланги враговъ сокрушалъ онъ.
 Все-же Ликургъ умертвилъ его, только лукавствомъ, не силой:
 Въ узкомъ проходѣ настигъ, гдѣ желѣзною палицею гибель
 Тотъ отклонить-бы не могъ. И Ликургъ, устремившійся первый,